

ЗА ДАЛЬЮ—ДАЛЬ

Откуда пошел МХАТ

Московский Художественный театр — символ русского национального искусства, а имя одного из создателей МХАТ чтит народная память. Сегодня, отмечая 120 лет со дня рождения К. С. Станиславского, мы вспоминаем первые любительские опыты Кости Алексеева, которые раскрывают ответственность, серьезность намерений будущего Станиславского.

Для зрителя, пришедшего на спектакль, границей театральных владений становится рампа сцены. Кулисы и многочисленные цеха театра ему неведомы. В Доме-музее К. С. Станиславского, как и во всяком музее, тоже есть свои «кулисы» — фондовые хранения, недоступные для посетителей.

У меня в руках рецензия, которая бережно хранится в фондах. Она напечатана в «Московском листке» 3 мая 1887 года: «На днях, в доме одного из почтенных московских коммерсантов г. А—ва, состоялся домашний спектакль. В этот вечер исполнили, между прочим, неизвестную еще в России оперетту «Микадо», музыка Сюлливана. Миниатюрная домашняя сцена была обставлена не только мило, но и художественно. Стройность и осмысленность хоровых масс, состоявших из образованных исполнителей, были замечательны. Разнообразная игра веерами во время пения была исполнена... в такт и до того грациозно, что едва ли наши г. г. антрепренеры могут добиться такой стройности на сценах своих театров. ...Что касается солистов, то все они были так жизненны и остроумны, что и опереточным нашим артистам можно бы многому у них поучиться. Первое место занимал по красивому голосу, осмысленной фразировке К. А.—в. ...Несмотря на то, что оперетка исполнялась любителями, не привыкшими ни к музыке, ни к сцене, репетирована она превосходно».

Речь идет об одном из спектаклей любительского театра — Алексеевского кружка, организованного в семье Сергея Владимировича Алексеева, отца Константина Сергеевича Станиславского. Молодой Станиславский, в то время еще Костя Алексеев, его сестры и братья, их друзья, родственники, гувернеры и гувернантки, прислуга, сами родители составляли труппу Алексеевского кружка. Молодые актеры, полные сил, энергии, темперамента, играли водевили, оперетты, комедии. Костюмы, декорации, бутафорские вещи — все старались делать своими руками. Они были организаторами, исполнителями и хозяевами своего театра. Театр Алексеевского кружка располагался на двух площадках: в новом здании с прекрасным зрительным залом и сценой на даче в Люблиновке и в театральном флигеле, пристроенном к московскому Красноворотскому дому.

Спектакль «Микадо» из японской жизни репетировали семь месяцев. Дом Алексеевых на это время «превратился в уголок Японии». Вечером, после дневной работы и занятий, участники спектакля переодевались в ситцевые репетиционные костюмы и начинали заниматься танцклассом, где учились ходить по-японски,

садиться на пол со стяннутыми ногами. Не у всех сразу все получалось. Кто-то падал и поднимался. Рядом падал другой. Смех, улыбки — атмосфера дружелюбия, радости и взаимопомощи царил на репетициях.

Во время подготовки спектакля в доме, по словам С. В. Алексеева, началось «микадное помешательство». Своей жене он писал, что «слово «Микадо» не сходит с уст, ...а упражнение с веером обуюло всех. Приходим к Нюше — веера, приходим домой — веера, ...одним словом, ветру много».

Из спектакля сохранилось два веера. Один большой, с надписью «Микадо», и маленький на тонкой ручке с длинной шелковой серой лентой.

На небольшой книге «Микадо» стоит штамп личной библиотеки Владимира Алексеева — «В. Алексеев». Именно он поначалу был режиссером «Микадо». Он же начал и переводить текст для актеров. Трудности с переводом заключались в том, что никто из участников не знал в совершенстве языка. Не знал и Владимир. «Хоть с лексиконом, но переведу!» — сказал он, — вспоминает Зинаида Соколова. — Он буквально гонялся за нами, сестрами, чтобы узнать значение английской фразы, слова».

Кроме работы над текстом, Владимир разбирал ноты, подбирая музыку к куплетам, репетировал с хором. «Волды все свободные минуты играет и переводит «Микадо», не слышит и не видит, что кругом него делается, — писала в Вену дочери Елизавета Васильевна Алексеева, — вдавался весь в английскую оперетту, не пьет даже чая по вечерам».

Репетиции спектакля были в самом разгаре, когда к режиссуре подключается Костя. Режиссеры проводят большую работу с художником К. А. Коровиным, который писал декорации.

Сейчас я гляжу на небольшой рисунок, выполненный акварелью на бумаге, — эскиз задника декорации «Микадо». ...Чистое голубое небо огромно. Оно зеркально отражается в разливе спокойных вод реки. Невысокие японские домики на берегу утопают в обильной зелени садов...

Приближалась премьера. Перед генеральной репетицией участники спектакля тщательно проверяли свою готовность. На бумажных кимоно, сшитых для хора и солистов, трафаретили рисунки. С помощью постоянного гримера Алексеевского кружка Яши Гремиславского, который впоследствии будет работать со Станиславским в МХТ, опробовали парики, грим. В высокие женские прически вставляли небольшие бумажные веера из разноцветной бумаги, разрисованные золотой и серебристой краской.

И вот 18 апреля 1887 года. Премьера.

На втором этаже театрального флигеля Красноворотского дома шумно и беспокойно. Волнуются в театральных уборных актеры. Зрительный зал постепенно наполняется публикой — все 300 мест заняты!

Но вот дан сигнал к началу спектакля, пошел вверх малиновый занавес с золотым вытканым рисунком, открывая большую, хорошо освещенную сцену, и...

Позже К. С. Станиславский (исполнивший в этом спектакле роль принца) писал, что «захватывало дух от этой эффектной театральности».

Успех спектакля был огромен. Сколько вызовов, аплодисментов! Сколько улыбок, слов благодарности!

«Не успел в последний раз опуститься по окончании спектакля занавес на первом представлении «Микадо», — вспоминает Зинаида Соколова, — как на сцене появился Савва Иванович Мамонтов, тоже радостно улыбающийся, видимо взволнованный, со словами: «Ну-ка, Зина, фразу угрозы. Хорошо! Выразительный жест! Вы — молодцы», — обратился он к хору и сейчас же стал припоминать понравившиеся ему жесты и позы. — «Молодцы!»

За два месяца спектакль «Микадо» был сыгран при полном зале четыре раза, и три спектакля было показано в следующем, 1888 году. Семь раз — это большой успех для домашнего, любительского театра.

Покидая фонды Дома-музея К. С. Станиславского, я на прощание ударю в круглый металлический гонг из спектакля «Микадо». Кто сейчас скажет, может быть, звуком этого гонга и заканчивался спектакль в Алексеевском кружке?

О. ПОЛОЗКОВА.